

Держа Чжао Фана за талию, Гунсунь Сы невольно вспомнил пикантные сцены из одной прочитанной книги, где героев так же прижимали к себе.

Он просто не мог с собой совладать.

Гунсунь Сы легонько сжал пальцы на его боках. Чжао Фан, жутко боявшийся щекотки, попытался вырваться:

— Перестань дурачиться, мне и так тошно. Кто знает, сколько бед навлечет на резиденцию эта история со вторым молодым господином.

— Но у резиденции ведь крепкие корни, не может же она так просто рухнуть?

Гунсунь Сы было плевать на судьбу резиденции маркиза. Пусть старая госпожа и относилась к нему хорошо, его волновала лишь безопасность Чжао Фана.

Тем временем его ладони продолжали медленно скользить по талии юноши, улавливая тепло тела сквозь слои одежды.

Как же хотелось...

Запустить руки прямо под одежду.

— Эй, ты меня вообще слушаешь?

Гунсунь Сы безучастно отозвался:

— Со вторым молодым господином ничего не случится.

— Хотелось бы верить, — пробормотал Чжао Фан.

Гунсунь Сы вдруг нахмурился:

— Тебе не кажется, что ты слишком уж за него печешься?

Поскольку тон Гунсунь Сы оставался ровным, Чжао Фан не почуял подвоха и честно ответил:

— Мы со вторым молодым господином забыли былые обиды. Он неплохой парень, подкинул мне парочку отличных идей, как подзаработать.

— Мы даже частенько выбираемся куда-нибудь вместе перекусить. Правда, его специфические увлечения меня не прельщают, так что по борделям я с ним не хожу.

— Ой-ой-ой, больно же!

— Гу Сы, ты чего так сильно щиплешься?

Голос Гунсунь Сы все еще звучал спокойно, и ничто не выдавало того, как сильно он стиснул зубы от ревности:

— Чтобы память была крепче!

Понимая, о чем тот беспокоится, Чжао Фан примирительно похлопал его по тыльной стороне ладони:

— Да ладно тебе, он больше не станет строить против меня козни.

— Теперь мы деловые партнеры, вместе зарабатываем деньги и строим торговую империю.

— Я ведь не какая-нибудь «Небесная красота и государственное благоухание», чтобы он ради мимолетной интрижки рисковал огромной прибылью.

Гунсунь Сы промолчал.

«Это ты так думаешь, но не он».

Шэнь Сюань не испытывал недостатка в деньгах, так что вряд ли руководствовался той же логикой.

Не зная, как еще убедить Гунсунь Сы, Чжао Фан в сердцах бросил:

— В общем, не переживай. Если он еще раз посмеет посягнуть на меня, я его кастрирую.

Хоть он и храбрился, в глубине души Чжао Фан сомневался, что у Шэнь Сюаня остались подобные помыслы.

Лицо Гунсунь Сы наконец немного прояснилось:

— Помни: в ближайшее время носа на улицу не показывай. Дело второго молодого господина не так просто, как кажется.

— Ты перешел дорогу опасным людям. Если не хочешь мести, сиди смирно в усадьбе.

Чжао Фан кивнул:

— Знаю. Как раз будет время дописать рукопись «Троецарствия».

— Кстати, ты так давно не заглядывал к нам. Старая госпожа постоянно о тебе спрашивает, скучает.

— А ты?

— Что?

Чжао Фан не расслышал.

В глазах Гунсунь Сы на мгновение промелькнуло смятение:

— Ничего.

— Мне пора. Иди в дом.

Провожая взглядом уходящего Гунсунь Сы, Чжао Фан подумал, что этот парень, кажется, снова вытянулся в росте.

Он потрогал макушку собственной головы. Прежнему владельцу тела было всего семнадцать, неужели он больше не вырастет?

Может, из-за излишнего умственного напряжения?

Стоило Чжао Фану вернуться в усадьбу, как к нему прислали слугу от старой госпожи – она звала его к себе.

Как оказалось, до нее уже дошли вести. Встретив Чжао Фана, старая госпожа ласково улыбнулась:

— Слышала, ты сегодня в приюте южного ветра так рьяно заступался за Сюаня, что заслужил аплодисменты всей публики?

Чжао Фан скромно ответил:

— Ну что вы, до аплодисментов там было далеко. Я лишь указал на очевидные нестыковки, и обвинители сами выставили себя на посмешище.

Старая госпожа спросила его:

— Но почему ты так уверен, что это сделал не Сюань?

— Я не уверен, — честно признался Чжао Фан. — Однако второй молодой господин хоть и повеса, но зла в душе не держит, он не стал бы намеренно убивать человека. К тому же поведение слуги покойного выглядело слишком наигранным: он без конца кричал о бесчинствах императорской родни. Тут явно крылся злой умысел.

Старая госпожа одобрительно кивнула:

— Ты отлично справился. Проявил завидное хладнокровие и смекалку.

Чжао Фан склонился в глубоком поклоне:

— Вы слишком добры, матушка, ничтожный слуга недостоин такой похвалы.

Старая госпожа жестом велела ему подняться.

Чжао Фан замешкался.

— Что-то еще? — Спросила она.

Чжао Фан высказал свои опасения:

— Я подозреваю, что слуга министра и красавица действовали по чьей-то указке, чтобы подставить второго молодого господина. И сейчас меня больше всего беспокоит их сохранность.

— Если они замолчат навеки, второму молодому господину будет крайне трудно очистить свое имя.

Старая госпожа посмотрела на Чжао Фана с явным одобрением, не ожидая от него такой проницательности:

— Твое предостережение очень ценно. Нам нельзя занимать выжидательную позицию.

Когда Чжао Фан удалился, старая госпожа негромко произнесла:

— Выходи.

Из-за ширмы беззвучно выступил мужчина в черном одеянии и склонил голову.

Старая госпожа холодно спросила:

— Ты все слышал?

— Да, госпожа.

— Вот и посмотри, какую кашу заварила ваша дражайшая наложница Шэнь. Ее взял на мушку третий принц.

— Если не разрешить это дело сейчас, последствия будут катастрофическими.

Очевидно, что Шэнь Сюаня подставили. И удар наносился вовсе не по беспутному юнцу без чинов и званий, а по борющейся за власть наложнице Шэнь.

Ведь всего месяц назад наложница Шэнь взяла на воспитание седьмого принца.

Седьмой принц рано лишился матери, но, несмотря на свои восемь-девять лет, отличался недюжинным умом.

Стоило наложнице Шэнь проявить амбиции, как она тут же навлекла на себя гнев соперников – особенно сторонников старшего принца и третьего принца.

Старая госпожа бесстрастно произнесла:

— Передай своей госпоже: если она хочет, чтобы ее родня спала спокойно, пускай умерит пыл и поскорее избавится от этого горячего угля.

Мужчина в черном рухнул на колени:

— У наложницы Шэнь больше нет пути назад.

Старая госпожа холодно усмехнулась, сохранив прежнее величие:

— Тогда пускай просит прощения и соглашается на понижение в ранге. Ей нельзя оставаться на виду, иначе она и глазом моргнуть не успеет, как лишится головы.

Борьба за престол безжалостна, малейший неверный шаг грозит плахой. Разве этой глупой женщине справиться с таким?

Старая госпожа слишком хорошо знала, на что способна ее внучка.

Чтобы выжить в бушующем океане императорского гарема, нужно либо быть серой мышью, либо обладать терпением и железной хваткой императрицы.

Вспомнив, как Император ради укрепления своего положения безжалостно пожертвовал двоими собственными детьми, старая госпожа ощутила, как по спине пробежал холодок.

Даже она, повидавшая немало дворцовых интриг, не встречала никого, кто был бы настолько жесток к себе.

А ведь когда-то та была такой чистой, улыбчивой девочкой...

Сердце старой госпожи сжалось от тоски.

Все эти дети выросли на ее глазах, как ей было не горевать о них?

Вернувшись в свою комнату, Чжао Фан продолжил работу над рукописью.

Изначально он планировал после «Троецарствия» взяться за «Легенду о Белой змее», но сегодняшние события натолкнули его на совершенно иную мысль.

Он обмакнул кисть в чернила и твердой рукой вывел на бумаге три иероглифа:

«Легендарный судья Бао»!

Охваченный азартом, Чжао Фан несколько ночей напролет не смыкал глаз, на одном дыхании расписывая запутанное преступление.

Когда к нему пожаловал посредник, присланный хозяином Цао, Чжао Фан обсудил с ним покупку дома, а заодно попросил передать хозяину Цао первую главу новой пьесы.

Прочитав рукопись, хозяин Цао в восхищении хлопнул по столу:

— Вот это я понимаю – хит!

Этот малый умудрился взять за основу недавнее убийство в приюте южного ветра и, искусно переработав детали, превратить его в захватывающую историю.

Постепенное нагнетание интриги, а затем распутывание клубка тайн...

— Блестяще! Просто великолепно!

— Какая светлая голова!

Хозяин Цао уже мысленно подсчитывал прибыль, представляя, какой фурор произведет «Легендарный судья Бао» на сцене.

<http://bllate.org/book/18123/1739346>